

Александра Бессонова

Барбара Уокер. Максимилиан Волошин и русский литературный кружок: культура и выживание в эпоху революции. Бостон; Санкт-Петербург: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 335 с. ISBN 9781644698143.

Александра Бессонова, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: ЕУСПб, Гагаринская ул., д. 6/1, лит. А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. abessonova@eu.spb.ru.

В серии «Современная западная русистика», издаваемой «Библиороссикой» совместно с Academic Studies Press, вышел перевод работы Барбары Уокер о культуре интеллигентского, преимущественно литературного, кружка в России начала XX века, исследуемой прежде всего в связи с фигурой поэта Максимилиана Волошина (1877–1932) (Walker 2004). Уокер отдельно отмечает, что ее работа не может считаться только биографией – в книге поднимаются вопросы, которые относятся к «культуре и обществу литературной интеллигенции» вообще (с. 16). Исследовательница анализирует форму общественной организации интеллигенции (кружок) и свойственную ей особую культуру, а также патрон-клиентские связи поэтов, писателей, издателей и государства.

Несмотря на то, что структура книги отражает события жизни одного человека (с. 16), главная цель Уокер состоит не в попытке восстановить биографию Волошина, но в том, чтобы на ее примере рассмотреть социальную и институциональную динамику внутри интеллигентских кругов. Кратко прослеживая во введении историю формирования культуры кружка начиная с XVIII века, Уокер в девяти последующих главах подробно восстанавливает происхождение Волошина, его связь с символистскими кружками, роль Волошина в качестве наставника женщин, занимавшихся литературой, рассматривает появление собственного волошинского кружка в Коктебеле в начале 1910-х годов и его трансформацию в «узел профессионального нетворкинга» (с. 169), опыт выживания и взаимопомощи в период революции и Гражданской войны и, наконец, функционирование кружка в рамках становления и укрепления советских культурных институтов. Повествование завершается годом смерти Волошина, однако Уокер анализирует и память о поэте в поздне- и постсоветский периоды. В монографии Уокер работает с воспоминаниями и архивными документами (например, перепиской), опираясь в том числе на работу, проделанную исследователем наследия Волошина Владимиром Купченко, который в 1970-е годы был научным сотрудником и затем заведующим Домом-музеем Волошина в Коктебеле.

Кружок Волошина в Коктебеле существовал с начала 1910-х до смерти Волошина в 1932 году и притягивал многих известных представителей интеллигенции. Уокер отмечает, что Волошина сделал известным скорее «вклад, внесенный им во внутреннюю культурную историю русской интеллигенции в важнейший период ее развития, то есть в организацию, систему ценностей и самооценку социальной группы, которая упорно билась над этими аспектами своей истории на протяже-

нии двух с лишним предшествующих столетий, но никогда так, как в годы перехода от имперского правления к советской власти» (с. 15). Институциональная и социальная история советской литературы рассматривается в ряде работ (см., например: Добренко 1999; в последние годы в связи с этой темой исследователи особенно активно обращаются к послевоенному периоду: Kozlov 2013; Кукулин, Майофис и Четверикова 2022a, 2022b), однако монографию Уокер отличает то, что в ней показана преемственность культурных и социальных практик литературных кругов, существовавшая даже несмотря на декларируемый разрыв с прошлым в 1917-м. Кроме того, Уокер исследует культурные центры и формирование отношений литературной интеллигенции с новыми советскими институтами за пределами столичных городов (исследование которых в этом аспекте все еще продолжается: Гардзонио и Заламбани 2011:38).

Уокер отмечает, что кружок был «ключевым явлением русской интеллектуальной жизни с конца XVIII века» (с. 17). Одной из главных характеристик кружковой культуры в России автор называет постоянную «взаимосвязь идентичности российских интеллигентских кругов как идеалистической, антиматериалистической и антииерархической формы человеческого сообщества и их потенциала одновременно служить гораздо более практическим целям профессионального и экономического развития, как личного, так и корпоративного» (с. 21–22). Для концептуализации этой напряженности Уокер обращается к теории коммунитас антрополога Виктора Тернера (Turner 1969). Благодаря применению этой теории Уокер демонстрирует, что российская кружковая культура не уникальна, однако не останавливается на этом эксплицитно и не предлагает в своем исследовании компаративного контекста, который позволил бы лучше увидеть особенности и тенденции развития такой формы организации, как кружок, понять его роль в жизни культурных элит.

Для кружка как антиструктурной (противоположной традиционной структуре) коммунитас присущи отсутствие иерархий, эгалитаризм, тесные непосредственные отношения, театральность, стремление к самопреобразованию. Одновременно, по словам Уокер, для литературного кружка в России были характерны и структурные, «прагматичные» черты – старшие и более влиятельные члены кружков могли становиться творческими покровителями и предоставлять начинающим поэтам в том числе финансовую помощь. Тесные связи внутри кружков часто напоминали семейные – собрания проводились в квартирах, многие проживали совместно в течение длительного времени. Таким образом могли воспроизводиться традиционные патриархальные отношения, которые выражались в том числе в распределении ролей между мужскими и женскими фигурами.

Используя эту рамку, Уокер прослеживает опыт Волошина, который наблюдал практики функционирования интеллигентских кружков в детстве и ранней молодости и затем создал свой собственный в Коктебеле. Уокер подробно рассматривает склонность Волошина к противодействию иерархиям символистов, в которые он был вхож, посредством театральности и мистификаций. Примером может служить наставничество Волошина над поэтессой Елизаветой Дмитриевой и последовавшая литературная мистификация – создание из Дмитриевой Черубины де Габ-

риака. Под этим псевдонимом Дмитриева смогла добиться публикации своих стихов благодаря созданному совместно с Волошиным образу «богатой затворницы – исповедующей экзотическую религию (католицизм) и, предположительно, ослепительно прекрасной» (с. 130). Таким образом, большое внимание Уокер уделяет гендерной проблематике. Во-первых, она рассматривает роль Волошина как покровителя именно женщин-поэтов / поэтесс, связывая этот сюжет с «модернистской проблемой некрасивой поэтессы», которая не могла в полной мере реализовать свои литературные амбиции из-за устоявшихся иерархий, господствовавших представлений о «поэтической женской красоте» (с. 123), и с теми профессиональными трудностями, с которыми сталкивались женщины в среде символистов. Во-вторых, исследовательница обращается к прагматическим сторонам функционирования кружка Волошина, которые были связаны с трудом близких ему женщин – его матери Елены Оттобальдовны и, затем, после ее смерти, его второй жены Марии Степановны. Именно они вовлекались в экономическую составляющую практик кружка: занимались финансовыми вопросами, организацией общего быта, заботились о постояльцах дома Волошина.

Особенно любопытно, каким образом кружок Волошина и дореволюционная культура трансформировались с приходом большевиков к власти в 1917 году. Волошин сохранил кружок в Коктебеле в измененном виде благодаря тому, что смог интегрировать его в «формирующуюся советскую систему бюрократизированного социального обеспечения и привилегий для элиты, предложив использовать свой дом в качестве официального места отдыха для русской интеллигенции, оплачиваемого советским государством» (с. 19). Дача Волошина стала домом отдыха для советской интеллигенции, и пребывание в таких финансируемых государством заведениях в сталинский период «превратилось для писателей в одно из звеньев огромной цепи социальных услуг и привилегий, которая обеспечивала их зависимость от Советского государства, возможно, ничуть не меньше, чем бич цензуры и страх» (с. 20). Уокер отмечает: в «том, что свою роль в этом процессе сыграл кружок Волошина, [...] заключается ирония – возможно, болезненная – истории русской интеллигенции» (с. 20). Волошин, как и многие другие представители интеллигенции, в советский период продолжал следовать «логике кружковой культуры» в новых условиях (с. 20–21).

Уокер подчеркивает, как характерная для Российской империи кружковая культура, проявляющаяся во взаимодействии форм структуры и антиструктуры, для которой были характерны антикапиталистический пафос, театральность, непосредственность, с одной стороны, и ориентация на установление выгодных профессиональных отношений и покровительства – с другой, влияла на формирование тесных связей между государством и интеллигенцией в советский период. Именно личные связи (особенно в годы Гражданской войны) помогали представителям интеллигенции выживать и избегать политических преследований или спасать от них своих близких. Поскольку только государство теперь обладало значительными ресурсами, обращаться за помощью было необходимо к тем, кто мог ими распорядиться, – такими посредниками выступали, например, Максим Горький и Анатолий Луначарский. Позднее эта динамика приведет к фактически пол-

ной зависимости литературной интеллигенции от государства, которое в 1932 году преобразовало все группы в единые союзы (с. 346). При этом Уокер отмечает и агентность, присущую представителям литературной интеллигенции, по крайней мере в 1920-е, когда они активно встраивались в отношения с государством, одновременно и непреднамеренно помогая создавать систему зависимостей.

Отдельная тема, к которой на протяжении всей книги обращается Уокер, – культ личности Волошина, созданию которого способствовала в том числе и его вдова Мария Степановна. Благодаря ее деятельности и помощи Купченко в сохранении памяти Волошина были собраны воспоминания современников. Жанровые особенности подобных мемуаров Уокер рассматривает в отдельной статье (Walker 2000). Она выделяет несколько типажей, вокруг которых мог формироваться культ личности, характерный для жанра. К одному из них Уокер относит Волошина: личный ментор и интеллектуальный наставник, который оказывал тем, кто от него зависел, экономическую помощь. Наиболее ярко культ личности Волошина представлен в воспоминаниях о нем Марины Цветаевой (Walker 2000:342).

Предпринятое Уокер исследование кружковой культуры и характерного для нее восхваления фигуры лидера помогает также лучше понять советскую историю 1930-х годов, хотя, разумеется, специально на культе Сталина автор не фокусируется. Сталина, по словам Уокер, можно рассматривать как всеобщего государственного патрона, уничтожившего все альтернативные цепочки покровительства. Сталин опирался на «культурные источники личной власти, которые заключались в мечте о коммунитас» (с. 299). Эту идею Уокер поддерживает историк Ян Плампер, который среди разнообразных традиций, определивших появление и развитие культа личности Сталина, называет практики интеллигентских кружков (Plamper 2012:20). Многие большевики начинали свою политическую деятельность с участия в подпольных кружках, затем часто становились их лидерами и интернализировали принцип культа личности, а затем, уже обладая властью, воплощали его в реальность (22). Плампер много внимания уделяет современной европейской традиции культ личности, а работы Уокер позволяют увидеть и те источники формирования культа лидера, которые проявились в культуре Российской империи еще в XVIII–XIX веках, обнаруживая преемственность дореволюционной и советской культуры.

«В какой другой стране правительство так будет заботиться о писателе?» – риторически вопрошает в своем дневнике 1931 года советский литературный критик, указывая на подготовку к приезду в СССР Горького, для которого в Москве был специально освобожден особняк, где прежде располагалось Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (Полонский 2008). Как следует из исследования Уокер, советское государство действительно создало такую систему «заботы», в которой писатели могли претендовать на перераспределение государственных ресурсов – жилья, пособий, питания, институциональной поддержки в публикации. Исследование Уокер позволяет увидеть в формировании этой системы и ту роль покровительственных отношений, которые выстраивали сами писатели в рамках устойчивой кружковой культуры. Уокер, используя термин Тернера, называет советское государство нормативной коммунитас, то есть стремящейся поддерживать

спонтанные отношения коммунитас на постоянной основе: «Довольно часто из, казалось бы, самых спонтанных процессов коммунитас возникают самые суровые режимы» (с. 279). В своей работе Уокер поднимает множество исследовательских проблем, поэтому книга будет интересна и литературоведам, и социальным историкам, и историкам культуры Российской империи и Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Kozlov, Denis. 2013. *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Plamper, Jan. 2012. *The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power*. New Haven CT: Yale University Press.
- Turner, Victor. 1969. *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. Chicago: Aldine Pub. Co.
- Walker, Barbara. 2000. "On Reading Soviet Memoirs: A History of the 'Contemporaries' Genre as an Institution of Russian Intelligentsia Culture from the 1790s to the 1970s." *Russian Review* 59(3):327–352. <https://doi.org/10.1111/0036-0341.00126>.
- Walker, Barbara. 2004. *Maximilian Voloshin and the Russian Literary Circle: Culture and Survival in Revolutionary Times*. Bloomington: Indiana University Press.
- Гардзонио, Стефано, и Мария Заламбани. 2011. «Литературная критика и политическая дифференциация эпохи революции и Гражданской войны: 1917–1921». С. 37–68 в *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*, под ред. Евгения Добренко и Галины Тихановой. М.: Новое литературное обозрение.
- Добренко, Евгений. 1999. *Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры*. СПб.: Академический проект.
- Кукулин, Илья, Мария Майофис и Мария Четверикова. 2022a. «Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР. Статья первая». *Новое литературное обозрение* 174(2):81–101. https://doi.org/10.53953/08696365_2022_174_2_81.
- Кукулин, Илья, Мария Майофис и Мария Четверикова. 2022b. «Кулуарные импровизации: социальная кооперация, обход правил и процессы культурного производства в позднем СССР. Статья вторая». *Новое литературное обозрение* 175(3):190–228. https://doi.org/10.53953/08696365_2022_175_3_190.
- Полонский, Вячеслав. 2008. «Моя борьба на литературном фронте». Дневник. Май 1920 – январь 1932. Подготовка текста, публикация и комментарии С. В. Шумихина. Продолжение». *Новый мир* 3. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2008/3/moya-borba-na-literaturnom-fronte-3.html.